
ВОЛЬФИАНСТВО КАК НАТУРФИЛОСОФИЯ

М. И. Микешин

Поскольку Хр. Вольф всегда трактуется как систематизатор, дидактик, методолог как философского, так и естественнонаучного познания, разберем основные характеристики того методологического фона в познании природы, на котором появилась и развивалась его концепция.

Исторические формы методологии естествознания весьма разнообразны. Те из них, которые могут быть названы натурфилософскими, охватывают фактически более двух тысяч лет истории естествознания, сосуществуя, переплетаясь и влияя друг на друга. Они характеризуют методологию исследования природы не только в донаучный период, но и в какой-то степени до сих пор.

Натурфилософский метод изучения природы, разработанный в XV–XVI вв., предполагал познание на основе опытов и наблюдений внутренних таинственных сил, определяющих закономерности мира. Именно знание таких сил и магические действия с ними могут дать человеку, по представлениям натурфилософов,

© М. И. Микешин. Исследование поддержано Российским гуманитарным научным фондом, грант № 97-03-04024.

неограниченную власть над природой, возможность использовать ее на благо людей.

XVII–XVIII вв. — это период расцвета различных вариантов натурфилософской методологии. Натурфилософию указанного периода можно охарактеризовать следующими важными положениями:

- природа существует объективно и обладает своими собственными «началами» и закономерностями;
- общество есть часть природы, законы общества — продолжение природных;
- все явления взаимосвязаны, существует как бы единая мировая «цепь подобий»;
- человек способен познать законы и принципы природы с помощью только своего разума;
- природа, любое явление рассматриваются как целое, как самодовлеющая сущность, которую следует воспринимать «как она есть»;
- непосредственным методом получения данных о природе является опыт, понимаемый как тщательное наблюдение явлений в естественных и искусственных условиях, фиксация этих условий, упорядочение качественно описанных фактов и очевидных количественных соотношений (например, в таблицы);
- после собирания и упорядочения данных на основе их обобщения, индукции и рациональной интуиции строится наглядный, единый, целостный «образ сущности», содержание которого шире, богаче, полнее непосредственного восприятия.

Обычно перечисленные признаки относят лишь к одному типу натурфилософской методологии — эмпирическому, но их можно отнести и к рационалистическому типу, поскольку в основе как того, так и другого лежало общее понимание возможностей, целей и структуры познания. Интересно, например, сопоставление концепций Ф. Бэкона и Хр. Вольфа. Оно дает возможность наглядно убедиться в глубоком принципиальном сходстве важных моментов во многом противоположных методологиях эмпиризма и рационализма. Бэкон призывает упорядочить опыт и прийти тем самым к ясному видению, а следовательно, и к истинному знанию. Опыт надо превратить из хаотического в методический. Вольф стремится упорядочить знание, умозрение, превратить его в истину, то есть в истинную систему. Знание нужно превра-

тить из хаотического в методическое. И Бэкон, и Вольф предлагают совершить революцию в отношениях человека и природы посредством революции в концепции знания. Оба они разрабатывали варианты натурфилософии, завершавшие определенные этапы ее развития, варианты, в которых теория как бы «перекачивалась», «уходила» в методологию, даже в методiku. Теоретизм становился «разложением по полочкам». Метод, в свою очередь, «онтологизировался».

И эмпирики, и рационалисты испытывали сложности в «сшивании» опыта и спекуляции. Разрыв ликвидировался с помощью обращения к Богу, который естественно «обнаруживался» в системе рассуждений. Традиция такого «использования» Бога прослеживается от Декарта к Лейбницу и Вольфу. Поскольку человек создан Богом «по своему образу и подобию», то человеческий разум в принципе способен понять смысл и структуру божественного творения. Но для этого ему необходимо руководствоваться правильным методом. Процесс творчества человека и процесс божественного творения также подобны друг другу. Подобны и их продукты. Отсюда уподобление как всего мира в целом, так и отдельных творений Господа наиболее искусным и совершенным для того времени творениям человека — механизмам, механическим машинам и устройствам.

Раньше механики как науки появился «механицизм» как вариант натурфилософской методологии естествознания. Механика существовала с древнейших времен как практическое умение, ремесло, конструирование простейших машин — механизмов. Такое умение много тысячелетий обходилось без теоретического научного обоснования. Оно бурно развивалось и в эпоху Возрождения, и в XVI–XVIII вв. Целью же уподобления мира и его явлений механизмам было понять явление, мир до конца, сразу «всю его сущность». Такой механицизм процветал в XVII в., например, среди картезианцев.

Декарт предложил модель кинематической механической причинной связи как общей во взаимодействии природных тел, что, с одной стороны, стимулировало деятельность натурфилософов, занимавшихся живой природой, а с другой стороны, часто приводило к утрате опытной основы. Такое конструирование часто становилось чисто умозрительным, переводившим на язык механики полумифологические представления.

Однако животные и человек фактически не поддавались механической редукции, поэтому было достаточно развито второе направление «цепи подобия» — аналогия с живыми системами. И мир в целом, и отдельные его части истолковывались как живые существа. Такая трактовка не позволяла построить развернутое рациональное объяснение мира, поскольку живое было далее неразложимо. Эта «линия подобия» методологически мало отличалась от механистической, однако последняя наилучшим образом была пригодна для построения рациональных моделей, структур мира, поскольку составленный из механизмов мир мог быть разложен, разобран разумом на детали, как сложная машина. Разложить на части, а потом собрать — это и значило познать. Как одну из попыток соединить преимущества обеих объяснительных схем в натурфилософии можно рассматривать концепцию Лейбница. Он хотел сохранить механические представления со всеми их детерминистскими и математическими преимуществами, но и не потерять активность материи. В его философии материя предстает как бесконечное множество субстанций, являющихся «одушевленными механизмами», живыми существами. Учение о предустановленной гармонии и стремление к целостному знанию о мире — очень важные черты метафизики Лейбница.

Неудовлетворенность механическим редукционизмом побуждала искать другие возможности, причем дело не обходилось без опоры также на весьма давние натурфилософские представления, например, на учение о «четырех элементах». Ньютоновский гипотетический эфир превратился на континенте в несжимаемую жидкость, субстанцию, утратившую чисто механические свойства. При помощи подобных несжимаемых жидкостей объясняли электричество, магнетизм, теплоту — такое объяснение в середине XVIII в. на некоторое время выдвинулось на передовые позиции, оттеснив корпускулярные модели.

Натурфилософская методология достаточно долго процветала и работала во многих областях естествознания XVII–XVIII вв. Отличаясь качественным характером, эта методология прекрасно соответствовала этапу «первоначального накопления информации» во многих отраслях познания природы. Существовал достаточно широкий спектр оттенков натурфилософии. Вольфа можно назвать «метафизическим натурфилософом», Декарта — «физи-

ко-геометрическим». Одно из направлений — «сциентистская натурфилософия», найдя свой способ соединения умозрения и опыта, превратилась в своем развитии в классическую науку.

Для всякой натурфилософии характерно наличие явного или размытого образа «Правильного метода», который структурирует все ее здание, а иногда придает ему зловещий характер. Пафос построения огромного упорядоченного сооружения, воплощавшего истину, и использования его как аппарата, устремляющего вставленного в него человека к совершенству, неоднократно использовался в своих положительных и отрицательных коннотациях как до Вольфа, так и после него. Не этот ли образ был столь привлекателен для имперских государственных машин?